

Я родился под северным солнцем
 В шестьдесят позабытом году.
 Положили меня на оконце –
 Отводить от деревни беду.
 Я лежал на отцовой портянке
 Не на улице и не в дому.
 Пахли ветхие шторы землянкой,
 Я не скоро узнал почему.
 Помню – трещины были на раме,
 Я разглядывал в трещинах тьму.
 Как же пахло в избе сухарями!
 Я не скоро узнал почему.
 Я лежал и распухшие дёсны
 Тёр костяшками пальцев, как мог.
 Видно, впрямь был мой вид очень грозным,
 Коль беда обходила порог.
 Облака шли в сиреновой сини
 От Бояновых дней на восток.
 На портянке я плыл вместе с ними,
 И беда обходила порог.
 Пахли ветхие шторы землянкой.
 Нависал чернотой потолок.
 А я плыл на отцовой портянке
 От Бояновых дней на восток.
 Над усталой землёй и морями.
 И бежала, бежала беда.
 Как же пахло в избе сухарями!
 Так пронзительно, так навсегда.

Дом стоял возле самой «железки».
 И когда пронесился состав,
 Была мелкая дрожь занавески,
 А в буфете знобило стакан.
 Был я крепок, с характером прочным,
 Без переднего зуба в строю.
 И свистел дыркой рот мой молочный
 На вокзальную участь свою.
 Как-то раз гражданин с бледной шеей,
 Прилетевший из северных мест,
 Рассказал, что я явно имею
 На глазу поэтический блеск.
 Он сулил мне ни много, ни мало,
 Тербя обветшалый карман,
 Что я стану в районе вокзала
 Кем-то, точно, навроде, Дюма.
 Я поверил тому гражданину.
 Бросил пики точить об асфальт.
 С той нежданной поры только книгу
 Почитал за особенный фарт.
 Годы шли. Опадали сирени.
 Подворотня считала грехи.
 Но упрямо ходил юный гений
 Стороной от компаний лихих.
 Я шатался по нитке суровой.
 То судил, то рядил, то пенял.
 Не иначе, как графа Толстого,
 Почитала округа меня.

Кем я стал, что пахал и где сеял?
Но скажу: от неласковых мест
Спас меня гражданин с бледной шеей,
На глазу обнаруживший блеск.

* * *

Ржавчина битых коленок.
Клинопись острых локтей.
Мой ППШ из полена
Сделан без лишних затей.
Было ли это? Наверно.
Помню, в соседском дворе
Сделал отец из полена
Сыну кулацкий обрез.
Били друг друга мы с жаром.
Знать бы, что в тридцать втором
Был его дед комиссаром,
Мой, если б знать, кулаком.
Бились отчаянно, стойко.
Батя его, наконец,
Стал бригадиром на стройке.
Сгинул в петле мой отец.
Бились по-чёрному, лихо.
Мать его силилась стать
Передовой поварихой.

Стала вдовой моя мать.
Годы неслись, будто пена.
Слезы кипели от драк.
Я с ППШ из полена.
С тем же обрезом мой враг.
Жизнь развела незаметно,
Каждому дав по углу:
Я стал дорогой и ветром,
Враг мой подсел на иглу.
Слышал, что резал он вены.
После и вовсе исчез.
Мой ППШ из полена,
Где ты? И где тот обрез?
Быль улетучилась паром.
Знать бы, что в тридцать втором
Был его дед комиссаром,
Мой, если б знать, кулаком.

СНЫ ВЕТЕРАНА

Я снов давным-давно уже боюсь.
В них шепчутся медсёстрами березы.
Кричит губами мамиными Русь –
Распухшими, как будто от мороза.
И я в них навзничь падаю в росу
И вижу, как, взрывая тьму зарницей,
По небу павших воинов несут
Куда-то перелётные жар-птицы.
Там матерятся ротные в чаду,

Там седит смерть ребячью кровь из блюда,
Там я за командирами иду,
Иду, иду, иду..., чтоб не проснуться.
Кричу – и криком полнятся поля.
Там с дедом мы плечом к плечу в атаке.
И вижу, как берет меня земля,
Ещё не разучившегося плакать.
Там сын стоит у Вечного огня.
И держит, держит знамя осторожно.
Фигурой так похожий на меня,
Глазами так на прадеда похожий!
Мы смотрим друг на друга сквозь года.
Мы смотрим и не можем насмотреться.
С холодным шлейфом падает звезда
Ему на грудь, нет... всё-таки на сердце.
Я снов давным-давно уже боюсь:
В них шепчутся берёзами медсёстры,
Глазами мамы выплакалась Русь,
Глазами сына смотрит Русь на мертвых.
Там ангел встал у Вечного огня.
И флаг над ним приспущен и прострелен.
Жар-птица ввысь несёт, несёт меня –
Над ангелом в простреленной шинели.

* * *

А давай в городки? Я – пас!
Не играю в такое к ночи.
Что ты, Бог, так глядишь на нас?
Ну, гляди, если очень хочешь.
Городки: Хмеймим и Дамаск.
Ну, давай же, давай, не морщись.
Что ты, Бог, так глядишь на нас?
А вот с нами сыграть не хочешь?
Дикий Гусь, ты плохой игрок,
Ни фигур не вижу, ни линий.
С кем ты там говоришь, сынок?
Бог – на химиотерапии.
Мы уйдём из этой игры
Кто домой, кто опять в солдаты,
А кто на халат медсестры
Кисловатым пятном граната.
Что так сильно стучит в мозги?
Всё в порядке с мозгами, просто
Разбиваются городки
Не по чину и не по росту.
Целься лучше. Тик-таки-тик...
Пёс войны, я тебе не пара.
Боже, твой деревянный лик
Разлетается от удара.

* * *

Ни березки, ни рябины.
Под крылом – да не тайга,

А чужие палестины.
И барханы, как снега.
Здесь чужие гуглят вести.
Здесь двугорбый пароход.
Если воздух вдруг исчезнет,
То наш лайнер упадёт.
А в России у рябины
Ломит корни от воды.
Не нужны ей палестины
И висячие сады.
Даже бейт не интересен.
Под глазами едкий пот.
Если воздух вдруг исчезнет,
То наш лайнер упадёт.
Мирно спит полковник Мишка –
В боевых иконах грудь.
Всё. Приехали, братишка.
Балалайку не забудь.
Я к гитаре. Мнится Пресня –
Каблучок ломает лёд.
Если воздух вдруг исчезнет,
То наш лайнер упадёт.
Упадёт. Погибнут звёзды,
И не будет палестин.
Всё чужое. Только воздух –
Он по-прежнему един.
Подтяни струну. У песни
Нет врагов. Тоска не в счёт.
Только воздух не исчезнет –
В небе русский самолет.
Ни березки, ни рябины,
Под крылом я^a да не тайга.
А чужие палестины
И барханы, как снега.
Мирно спят Воронеж, Липецк,
Кострома и Уренгой.
В небесах пилот Филиппов
Провожает нас домой.

* * *

Усмехается во тьме город.
Чуть колеблются огней сети.
И прикладывает свой холод
К голове твоей чужой ветер.
Ты выходишь в никуда. Полночь.
Пусть застава тишиной встретит.
Там на Родине тебе в помощь
Путь опавшего листа светит.
Путь опавшего листа,
Путь снежинки весёлой,
Тихий свет от креста
Чудотворца Николы.
Спит, свернувшись в рожок

Твоего автомата
Пёс по кличке Дружок –
Баловень медотряда.
Месяц, глянь – улыбка факира.
Как в той песне – тусклые звёзды.
Между Богом и людским миром
Передернутый в стволе воздух.
Ночь темна, как в песне той, помнишь?
И всё так же – в проводах ветер.
Над кроваткой детской в помощь
Глаз любимых глубина светит.

* * *

Из Сирийской тетради

Подполковник Шура Кан
Прозвище – Могила.
У него два пузырька
Кардиомагнила.
У него СУ-25
И работы разной...
Если бросит он летать,
То помрёт от язвы.
Знают мать, жена и сын,
Тетка Эвелина,
Что сирийский апельсин
Самый витаминный.
А зачем в глазах туман?
Знает только отчим.
Потому – курнос наш Кан
Шура... ну, короче...
Потому два пузырька
Кардиомагнила.
У блатного пасынка
Прозвище Могила.
Приземлился штурмовик.
Командир, полегче!
Эй, чего же ты поник,
Александр Сергеич!
Чуть дрожит в руке стакан.
Где-то над Онегой
Из окна профессор Кан
Длинно смотрит в небо.

* * *

Малолеток везут через Микунь.
Пузырится Усть-Вымский рассвет.
Большеротая дурочка Вика
Машет поезду – ей десять лет.
За решёткой кривятся подростки.
За такими теперь глаз да глаз.
Конвоиры не любят московских,
А уж рыбинских валят на раз.
Проезжают вагоны со скрипом,

Длинно тянется рельсовый стон.
Не боится их девочка Вика,
Не боится их даже ОМОН.
И никто их теперь не боится.
Поезд врезался в север, как штырь.
Гиви, смело кусай свою пиццу,
Рабинович, не прячьте пузырь.
Видь на Виледь, на Сухону можешь...
Что поведать хотят берега?
Ветер угольный горек до дрожи.
По этапу уходит тайга.
Помнит Родина, знает про Микунь.
И про Вычегду, про Воркуту...
В даль глядит слабоумная Вика
И звенит карамелькой во рту.

* * *

Три небесных моих покровителя и
Три судьи, три луча, три кометы.
Белый храм озарен кривизною земли
И звездой аварийного света.
Задыхаясь во тьме непрветренной я,
Сам с собою играя без правил,
Всё зачем-то шепчу: не оставьте меня
Александр, Иоанн и Павел.
И продрогший апрель и небес кривизна
И ночные кресты над погостом.
Если из деревенского смотришь окна,
Всё понятно, всё ясно, всё просто.
Старый тополь скрипит, чуть к луне накренься,
Перечеркнут луной и исправлен.
Я всё время шепчу: не оставьте меня
Александр, Иоанн и Павел.
Нет гармонии в снах у березовых крон,
Но и смерти там нет – только ветер.
Запрягает луна стаю черных ворон
И уносится прочь на рассвете.
Испугается наледь дневного огня
И весеннюю землю оставит.
Только вы никогда не оставьте меня
Александр, Иоанн и Павел.

* * *

Из-под снега оттаял трубач.
На асфальте – разгаданный ребус.
Город Рыбинск – взъерошенный грач.
Я не сяду в последний троллейбус,
А пройдуся, как неласковый зверь.
Город Рыбинск – зазубренный берег.
Ты слезам моим глупым не верил,
Но сегодня им все же поверь.
Бродит ветер по волжской губе.
Воеет в дырах знакомой коряги.

И играет трубач на трубе,
Подмигнув хромоногой дворняге.
Сколько лет ты, старик, здесь стоишь,
За полвека сумевший не спиться?
Он ответит:»Ты вырос, малыш.
Вырос, глянь, аж висок серебрится!»
Что ты видел, прожив столько лет
Тысяч несколько рыбинских свадеб,
Мелочь в кофре, синюшный рассвет?..
Как же звали её? Точно – Надя.
Что ты видел под этой листвой
Тени зыбкие, школьный мой ранец?
А ещё с перебитой спиной,
Полз к тебе, помню, Мишка-афганец.
Сколько лет ты, старик, здесь трубишь?
Он ответит: «Ты вырос мужчиной!
Настоящие слёзы, малыш,
Это те, что текут без причины!»
Мы к тебе шли весёлой гурьбой.
Тормозил незнакомый прохожий.
Ты воспел этот город трубой.
Ты один его чувствуешь кожей.
Город Рыбинск – взъерошенный грач.
Звали Мишкину девушку – Надя.
И играет у ЗАГСа трубач,
В мою сторону больше не глядя.

* * *

Взошла звезда. Чернилам лист открылся.
Лишь белый лист и больше ничего.
Пока поэт на землю не спустился,
Оставь в покое, женщина, его.
Подброшенный неведомою силой.
Пока поэт завис над суетой,
Войны не будет между ним и миром.
Он будет лёгок, женщина, с тобой.
Как высь, недосыгаем для эмоций.
Вдали от зашифрованных пустот.
Не беспокой, пока канатоходцем
Душа его по трещине идёт.
Порой пути не разобрать во мраке.
Из трещины сквозит не устоять.
Неужто ангел посылает знаки
Крылом из-за пределов бытия.
Жалеть не надо, что бы ни случилось.
Поэта не пугает даже дно.
Он принимает только Божью милость.
И не берёт от милости земной.
Даль думу перешла. Вскипела птица.
И шум небес над самой головой.
И все-таки, когда он возвратится,
Узнаешь ли ты, женщина, его.